

Вырезка из газеты

МАГНИТОГОРСКИЙ
РАБОЧИЙ

г. Магнитогорск

14 ЯНВ 1983

Наши интервью

АРТИСТ, НЕ ПОХОЖИЙ
НА АРТИСТА

Гердт Зиновий Ефимович — народный артист РСФСР. Конферансье Апломбоз в спектакле «Необыкновенный концерт» Государственного центрального театра кукол. Паниковский в фильме «Золотой теленок». Голос за кадром в фильмах «Фанфан-Тюльпан», «Девять дней одного года» и десятках других.

Человек, с которым вы сегодня встретитесь, не похож на своих героев сцены и экрана. Заразительно комичный и общительный на сцене, артист Гердт в жизни сдержан, замкнут, серьезен и строг. Говорить с ним нелегко. Он не терпит банальностей, похвал. Он не дает автографы. Ему неприятна его шумная популярность (свое отношение к ней он выразил в самом начале одной из творческих встреч с магнитогорцами, прочитав «Быть знаменитым некрасиво...» Пастернака).

Как многие замечательные комики, в жизни Зиновий Гердт скорее печален. Он не похож на артиста — скорее, на мудреца или поэта.

Не случайно разговор наш начался с поэзии. Томик русской лирики XIX века лежал открытым на маленьком столике в номере гостиницы...

— Нужно было пообщаться с Баратынским... А вообще я в любую поездку, как правило, беру синий том Пастернака, уже изрядно потрепанный. Мне всегда интересно открывать в нем новые глубины.

Это у меня навечная и неизбывная страсть — русская поэзия. С годами власть этой привычки становится все беспрдельней, и думаешь иногда, а не странен ли со стороны человек, шепчущий какие-то строки (впрочем, это можно пережить). В моей памяти тысячи строк. И нет большего наслаждения, чем восстанавливать какую-то очень нужную для тебя именно сейчас. Эта работа идет постоянно. Всю жизнь. Где бы ни был.

С увлечения поэзией и началось мое увлечение сценой. В ТРАМе электриков в начале тридцатых (когда учился в ФЗО) занимался вместе с Плутчем и Арбузовым. Потом вместе с ними и другими талантливыми ребятами организовали студию. К «арбузовской» студии были близки поэты-аффилицы» Коган, Кульничкий, Майоров. С того времени началась моя дружба с Давидом Самойловым...

Да... Если хотите, стихи — почти главное мое занятие. Способ существования.

— А со сцены вы читаете стихи, Зиновий Ефимович?

— Специально — никогда. Я не мастер художественного слова. Читаю только по поводу того, о чем говорю. Сам рассказ в форме творческой встречи более или менее устоялся, но всегда возникает какой-то новый блок, который (бывает так) просто необходимо для меня дополнить стихами. Они многое могут открыть.

Читаю ли самое-самое любимое? Конечно. Разве истинному коллекционеру не хочется показать свои сокровища? Вот и мне ужасно хотелось бы приобщить зрителей к моему восхищению стихами.

— Когда вам предлагают роль в кино или на телевидении, есть какой-то главный для вас критерий отбора?

— Я обнаружил, что у меня есть кредо, при обстоятельствах довольно необычных. Михаил Швейцер, давний мой друг, готовился снимать «Золотого теленка». Роль Паниковского должен был сыграть Ролан Быков (мне предназначалась другая), но совершенно случайно после одной из проб выбор пал на меня. И вот, перчитывая роман, понял, что мне очень жаль Паниковского и что иным его играть не могу... Не получилось — при монтаже главное ушло «в корзину». Поэтому я видел фильм «полпраза» — ушел, не выдержал, поняв, что задача не выполнена.

С тех пор, если чувствую, что нет возможности сыграть роль так, чтобы мой герой вызвал сочувствие, отказываюсь. Это главная задача — вызывать сопереживание, сострадание, сочувствие. Слава богу, сейчас реже приглашают на комедийные роли...

— У вас есть роли, за которыми явственно ощущается ваша собственная биография? Скажем, бывший фронтвик Кукушкин из «Фокусника». Я хочу спросить вас о войне, Зиновий Ефимович...

— У меня есть друзья-фронтвики. Замечательный режиссер Петр Тодоровский (как раз он снимал «Фокусника» по сценарию Володиной и, уловив сходство судеб, настоял, чтобы Кукушкин играл я). Хороший писатель Григорий Бакалов. Вот они помнят все — и каждого человека из взвода, и каждую высотку. Каждый день войны.

Я слабо помню подробности. Но сейчас, с годами, в памяти выливаются какие-то картины, лица. Возвращается война, и возникает острое желание кого-нибудь встретить.

Перед 30-летием дивизии получил открытку-приглашение на встречу с однопольчанами. Отменил спектакль и пошел. Все лица незнакомые (из тех, кто воевал рядом, наверное, никого не осталось). Многие здороваются, но я понимаю, что знают они меня как артиста Гердта, а не как однопольчанина. Хотел уходить. И вдруг в толпе вижу до боли родное лицо. Проталкиваемся друг к другу, обнимаемся, говорим какие-то слова. Спрашиваю, где же он сейчас. «Там же, где и вы», — отвечает, и показывает на значок ПЦТК...

Это был наш вахтер, с которым мы виделись в театре в течение двадцати лет чуть ли не каждый день. Воевали мы в разных полках, но где-то война нас столкнула лицом к лицу. Открылось это именно на встрече фронтвиков, и больше не могло открыться нигде...

Кем воевал? Сапером. Ранение? Да, осколок. В 1943-м, во время второй сдачи Харькова. Госпиталь в Новосибирске, госпиталь в Москве — почти два года. Потом еще два года ходил с гипсом на ноге. Ранение открылось мне путь на сцену драматического театра...

— Иначе бы вы не попали в Государственный центральный театр кукол?

— Другими словами, жалел ли я, что 36 лет, такую огромную часть жизни, провел там? Нет, это было бы неправильно. Куклы показали мне 55 стран мира. Через кукол я попал в поле зрения кинематографа (после Люциуса из «Чертовой мельницы» предложили озвучить в манере Люциуса «Фанфан-Тюльпан», потом, приглашая на очередной фильм, стали уже говорить «в вашей манере») — сначала «за кадром», потом уже в кадре... Куклы редко (но случалось) доставляли мне наслаждение такое изысканное, которое может испытать только кукольник. Выпадали такие минуты, когда ты полностью забывал себя свою — она уходила в некий кусочек поролона, который обретал дух и способность трогать сердца...

— Вы очень строго относитесь к своим работам в кино (и не только в кино). Интересно, что из созданного вами за последнее время вы можете предложить посмотреть?

— Как-то мне позвонил режиссер Яков Сегель и предложил роль в новом фильме. Сценарий заинтересовал, хотя внешне ничего особенного в нем не было — камерная, чуть сентиментальная, история военных лет.

Скоро фильм «Я вас дождусь» выйдет на экран. Мне кажется, в нем есть глубинные вещи...

— У Булата Окуджавы есть стихотворение «Божественная суббота, или Стихи о том, как нам с Зиновием Гердтом не было куда горючиться». Значит выпадают такие минуты?

— Только в общении с друзьями. Тогда мы с Булатом встретились в Ленинграде на съемках «Соломенной шляпки», и первый же день оказался свободным. Провели мы его в полной ответственности — говорили, читали стихи...

С одного такого вечера двадцать лет назад началась наша дружба с Александром Володиным, замечательным драматургом, прекрасным человеком. Мысленно продолжаю разговор с уже ушедшими из жизни Максимом Грековым, актером-вахтанговцем, Сеовой Багрянцким, погибшим на войне, Михаилом Светловым, возникшим в моей жизни счастливым майским днем 45-го, Александром Трифоновичем Твардовским, с которым судьба дарила мне встречи на протяжении восьми лет.

Есть люди, встречи с которыми вне рубежа забвения. Постоянно ощущаю их «речевое» присутствие и облик. И мысли.

Беседу вел
В. МОЗГОВОЙ.